

Чижиково горе

В кн.: "М.Е.Салтыков-Щедрин. Помпадуры и помпадурши".

М., "Правда", 1985.

OCR & spellcheck by HarryFan, 16 February 2001

Канарейку за чижику замуж выдали и свадьбу на славу справили. В магазине "Забава и дело" купили новенькую кирку; за пастора ученый снегирь был; скворцы величальные песни пели, а для наблюдения за порядком полициймейстер отряд копчиков прислал. Чуть не со всего леса птицы слетелись на молодых поглазеть, да и почтенных гостей нашлось довольно. У чижики был шафером зяблик, у канарейки - соловей. Сам ястреб к невесте в посаженные отцы набивался, но родители, под благовидным предлогом, от этой чести уклонились и пригласили глухого тетерева, того самого, который еще при царе Горохе, во внимание к дряхлости и потере памяти, в сенат посажен был.

И молодые, и родители, и поезжане - все были веселы. Чижики выступал гордо и предвкушал; канарейка перебирала носиком перышки; родители думали: "Ну, слава богу, одну дочку сбыли!" А поезжане мечтали о той горе конопляного семени, маринованных комаров, варенных в сахаре мух и проч., которую им предстояло уничтожить на новоселье у чижики. Только ворона-вещунья без пути каркала: "Не будет проку от этого брака! не будет! не будет! не будет!"

Хотя между людьми ворона и слывет глупую, однако птицы отлично знают, что ежели она каркает, то, значит, есть у нее на то основание. И точно: едва раздалось воронье карканье, как кукушка первая прокуковала: "Ку-ку! как бы и в самом деле по-вещуньиному не сбылось!" А за нею следом в том же смысле свистнули: синичка, горихвостка, пеночка...

И все начали всматриваться в молодых, начали припоминать. Обратились к интимной истории этих двух существ, за минуту перед тем связавших друг друга неразрывными узами; вспомнили их наклонности, вкусы, привычки. И, как и водится, в результате вышла картина.

Чижики был малый простодушный и добрый, имел три характеристические особенности: неприхотливость, аккуратность и домовитость. Сверх того, он был и немолод, хотя надежда, что, в случае чего, он еще может за себя постоять, не покидала его. Вся жизнь он служил в интендантском ведомстве, дослужился там до майорского чина и там же образовал свой ум и сердце. Взятки он не брал (царство хищения кончилось), однако нелегальными действиями успел-таки скопить капитал. Однажды ему удалось приобрести, по случаю, хорошую партию канареечного семени, и вот тогда-то в голове у него блеснула мысль: "Женюсь на канарейке и буду жену и детей канареечным семенем кормить!" Отца и матери он, еще слетком будучи, лишился, наследства никакого не получил, а потому охотно выставлял на вид, что солидным своим положением в обществе обязан единственно самому себе. Даже ведро с водой он выучился таскать самоучкою.

Таков был умственный и нравственный облик новобрачного. Особенных поводов для симпатий он, конечно, не представлял, но с легальной точки зрения - это был обыватель, какого лучше не надо.

В наружности его тоже не замечалось ничего обольстительного или блестящего; напротив, вся его фигура поражала несомненно будничностью и заурядностью. Даже воробьи смеялись, как он, желая сказать девице комплимент, потряхивал фалдочками и пушал глаза враскос. Да и комплименты выходили у него неинтересные: либо интендантский анекдот расскажет, либо похвастается, что, как бы дешево ни просил с него извозчик, он ему всегда пятак меньше дает, а ежели время терпит, то и пешком дойдет.

- И вот, благодарение богу, - обыкновенно заканчивал он, - не только себя могу прокормить, но и семью-с.

Родителям такие речи очень нравились, и они так усердно ловили его в свои силки, что однажды чуть было совсем не удавили. Но дочери-девицы называли его "интендантскою холерою" и при появлении его мгновенно разлетались, хотя маменьки и приказывали им: "Ресте!" [останьтесь! (от фр. restez)] И он не только не оскорблялся этими девичьими поступками, но даже успокаивал родителей, говоря:

- Ничего-с, я привык-с. Это в них девичье-с. Когда я в интендантском